

«ЭТА ПРОФЕССИЯ — НЕВЕРОЯТНА»

Козелькова Елена
И МНЕ БЫВАЕТ МАЛО, МАЛО, МАЛО...»

19.05.94

Независимая газ. — 1994. — 19 мая. — с. 7.

Вадим Степанов

Геология

ОДНИМ из самых ярких впечатлений завершающегося театрального сезона стала для меня работа Елены Козельковой в спектакле «Модель» по пьесе Юкио Мисимы «Маркиза де Сад» (режиссер Анатолий Ледуховский). Вызывающий, почти провокационный образ графини де Сен-Фон и голос, который будоражит слух и который невозможно забыть. Еще на премьеры я подумал, что голос этот — находка для радио, которое, кстати, не дожидаясь чьих-либо рекомендаций, осуществило недавно запись инсценировки по роману Захера Мазоха «Венера в мехах», где Ванда фон Дунаева живет голосом Козельковой. Не скрою, желание вновь услышать этот голос отчасти и привело меня к Елене Георгиевне, разговор с которой состоялся в ее гримерной.

— На этой сцене вы работаете с 1964 года, и поклонникам «Современника» хорошо знакомо ваше имя. Есть несколько работ и в кино. Но ни интервью с вами, ни газетных публикаций не припоминаю. Поэтому первый вопрос будет почти тривиальным: как вы пришли к театру? Ведь, если не ошибаюсь, первая ваша специализация от него далека?

— Да, я поступила сначала на геологический факультет МГУ. Геология тогда была делом замечательным, романтичным, и я считала, что, как человек серьезный, должна заниматься такой профессией. Но хочу сказать, что всегда про себя знала: театр мне нужен. Я его безумно боялась, с излишним восторгом и робостью относилась к понятию «театральное искусство», и даже не допускала мысли о поступлении в театральный институт. «Нет, — думала, — это небожители, это так для меня высоко. Я не имею права!» А вот геология...

Уже с третьего курса я стала работать в Центрально-Казахстанской экспедиции МГУ, составлявшей геологическую карту Казахстана. Все это потом ушло... Хотя и не ушло, потому что можете себе представить количество ситуаций, наблюдений — целая драматургия. Всякая экспедиция формируется из рабочих на местах. А тогда в Казахстане местные рабочие были зеками, которым до освобождения надо было заработать на жизнь. Мы ехали за ними и забирали обычно четырех «пареньков», отличных таких «мальчиков»: «Ну мы вам, геологи, наработаем...» Тогда я впервые узнала и увидела лагерь. Были и женские лагеря, и лагеря — сумасшедшие дома. Их я не увидела, а услышала. Приехали мы как-то на основную базу, место

было очень красивое. Вообще Казахстан в геологическом отношении — это рай, такой земли второй нету. Там встречается буквально все, и это понимать, это изучать — наслаждение невероятное. Да еще молодость, и все так замечательно. Вот бежит рыжая лиса по какой-нибудь аметистовой друзе, и ты это наблюдаешь: рыжее на фиолетовом, а вокруг на

период поступления — ведь уезжали мы в мае, а возвращались в ноябре, когда обучение везде шло уже полным ходом. И только в самый последний момент я поняла, что никуда не поеду.

Чтобы остаться в Москве, я поступила на работу в один из «почтовых ящиков». А вечерами бегала к своим друзьям в ГИТИС. Многие из них учились на режис-

сложилась своя театральная среда. Да и в студии со мной вместе учились изумительные впоследствии актеры: Рита Терехова, Саша Линьков, Галя Дашевская. Они в большинстве своем стали затем работать в театре имени Моссовета. Оставляли и меня. Но я боялась, что, оставшись там, буду всегда ходить в девочках-ученицах. Конечно, Юрия Александровича я этим очень обидела. Встречалась с ним потом, прощения просила. Он тогда, помню, качал головой и говорил: «Ты даже не понимаешь, куда ты идешь и как тебя будут бить».

И оказался прав. Тоталитарный пресс, давивший на людей, меня перелопатил к началу 80-х сильно, вплоть до личной судьбы. Я была почти раздвлена. Но тут опять таки меня спас театр.

Мы выпускали спектакль «Фантазии Фарятьева», где я играла роль матери, а Марина Нелова — как бы мою дочь. В тогдашних моих личных обстоятельствах она очень мне сопереживала. А тут еще и страх перед премьерой. Я помню, мы стояли за кулисами, Марина смотрела на меня перед выходом и лепетала: «Ой, маманя... ой, маманя!» Она понимала, что во всей этой ситуации я должна просто умереть. Тем не менее мы продолжали приходить на репетиции, мы работали, мы смеялись над чем-то, мы огорчались всякой театральной ерунде. Как-то она говорит мне: «Слушай, ведь мы ненормальные, если при всем том, что с нами происходит, мы еще живы». Я же сказала тогда: «Марина, мы нагие выходим на тысячный зал. Что нам может быть страшно? Это семейное «сказали-мазали»? Сцена — вот где страх преодоления и победа. Это профессия, которая таит в себе невероятное!

— Примеры под рукой. Я имею в виду дистанцию между женщиной — судьей советской формации, которую вы сыграли в фильме «Обвиняется в убийстве», и той же графиней де Сен-Фон, зеркальным отражением в юбке самого де Сада.

— И ведь такие возможности дает только наш традиционный, репертуарный театр! С «Маркизой» все не просто. Мне нравится работа с театром «Модель», я рада, что пригодились им. Но мне кажется, они еще не умеют переводить на сценический язык весь свой человеческий опыт. И мне бывает мало, мало, мало...

В такой оценке нет ни доли самонадеянности или кокетства. Козелькова высокопрофессиональна. Вероятно, ощущение собственного потенциала и порождает у нее сожаление о весьма скромном реальном его воплощении. Тем не менее именно за эту роль актриса объявлена одной из претенденток на приз «Хрустальная Турандот». Я искренне желаю ей этой награды.

Елена Козелькова.

сопках зеленые сосны. Забыть это невозможно... А вечером думаю: «Что за вой?». У-у-о-о. На всю степь. Говорю: «Что это? Как это?» А мне в ответ: «Да ладно, не слушай». Оказывается, недалеко, за арыком был лагерь, в котором сумасшедшие мужчины и женщины ночами выли на жуткую казахстанскую луну.

— Учебу на геологическом вы закончили?

— Да, закончила, более того, успела сделать небольшое открытие месторождения! Правда, я начала понимать, что у меня уходит время, потому что почувствовала, что без сцены не смогу. Уже тогда я играла в студенческом театре МГУ. Пришла туда тоже довольно поздно, когда мощно заявил о себе Ролан Быков, когда заблестала Ия Саввина. Помню год, когда Алла Демидова думала: поступать или не поступать ей в театральный?.. Я же тогда собиралась уезжать в очередную экспедицию, а это значило пропустить

серском факультете, им надо было постоянно ставить разные отрывки, и так как актеров у них было мало, то они часто предлагали: «Давай, Ленуська, ты у нас сыграешь». Я говорила: «А давай». Руководил тогда режиссерским курсом Юрий Александрович Завадский, а тема у них была «Шекспир». Он заметил, что почти во всех отрывках из Шекспира женские роли играет совершенно незнакомя девица, и спросил: «Кто это такая? Представьте мне ее». Меня, конечно, притащили, и он предложил мне учиться у него в ГИТИСе. Благодарность моя Завадскому безмерна, он меня спас, потому что поезда мой уходил.

— За пять лет до этого вам казалось, что все это недостижимо, но, судя по тому, что вы рассказываете, все получилось легко. Более того, Завадский сам позвал вас к себе.

— У меня не было уже такой неодолимой робости перед сценой. И потом, за пять лет как-то